Марина
СЕРОВА
Город семи королей
РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Город семи королей

«Научная книга»
2008

Серова М. С.

Город семи королей / М. С. Серова — «Научная книга», 2008 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С., 2008
© Научная книга, 2008

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Марина Серова

Глава 1

– Да-а-а… классный фильм. И этот мальчик – такой лапочка… и так жалко его в конце.

– Еще бы! Узнать, что жена ждала от тебя ребенка после того, как ее убили. Тут любой…

– А этот… как его… убийца-то… Вот уж сволочь так сволочь.

– Ой, и не говори. Главное, взялся всех за грехи наказывать… Да кто он такой?!

Совсем недавно я закончила очередное, довольно сложное дело и, получив гонорар, решила провести небольшой шопинг. Но, обойдя несколько бутиков, я жутко устала и зашла в одно кафе, где, как мне было доподлинно известно, очень прилично готовили кофе.

Сидя за столиком и набираясь сил для очередного рывка по торговым точкам, я невольно подслушала разговор, который вели две девушки, сидевшие за столиком позади меня. Они обсуждали фильм «Семь», который совсем недавно в очередной раз показали по телевизору, и я могла узнать во всех подробностях, что думает каждая из них о самом фильме и занятых в нем актерах.

– А эта… как ее… ну, жена, жена-то его… тьфу ты! Вот вылетело из головы, и все! Только что на языке вертелось… Ну, которую убили…

– Да поняла я, хватит тужиться.

– Ну и как она тебе?

– В смысле?

– Ну, на вид? Нравится?

– Так себе.

– Вот-вот. И мне тоже не нравится. А Ирка от нее прям с ума сходит. И чего нашла? Ни кожи ни рожи… Лицо какое-то… рыбье. Фригидная, наверное.

– Не скажи. Говорят, такие, с рыбьими лицами, они наоборот… ого-го!

– Да ну… все равно мне не нравится. А негр тебе понравился?

– Это который полицейский?

– Ну да.

– Ничего… староват, правда.

– Зато какой умный. Сразу догадался, что тот убивает за семь грехов. Как там… какие грехи, не помнишь?

– Обжорство, например. Ты сколько пирожных себе заказала?

– Ага, а еще зависть, например. Я хоть сколько пирожных съем и не потолстею, а тебе завидно. И вообще, не обжорство, а чревоугодие. Это, между прочим, разные вещи. Обжорство – это когда все равно чего, главное, чтобы много, а чревоугодие…

Возможно, я еще много интересного узнала бы о семи смертных грехах, но кофе мой был выпит, и я покинула свой столик в кафе, так и не дослушав занимательную лекцию.

* * *

Домой в тот день я вернулась поздно, обремененная покупками, уставшая, но очень довольная. Что ни говорите, а для женщины поход по магазинам вполне заменяет сеанс в кабинете психологической разгрузки.

Кроме всяких очень нужных и полезных вещей промышленного производства, я купила еще и несколько произведений кулинарного искусства и, красиво расположив все это на столике перед телевизором, решила устроить себе пир на весь мир.

Немного отдохнув и облачившись в домашний халат, я устроилась поудобнее и, нажав кнопку на пульте, приготовилась совместить приятное с полезным, поглощая разные вкусности и одновременно слушая наши городские новости, которые как раз в это время передавали по телевидению.

«…Загадочное и жестокое убийство потрясло горожан, – донеслось из телевизора, едва я успела открыть рот, чтобы положить в него что-нибудь вкусненькое. – Тело журналистки было буквально изуродовано. По одной из версий, убийство связано с ее профессиональной деятельностью. Отличительной чертой статей Ланы была острота и бескомпромиссность, она открыто говорила о злоупотреблениях, которые происходят в нашем городе, о коррупции, процветающей в высших эшелонах власти. По словам ее коллег, последняя статья Ланы тоже была посвящена подобной тематике и была направлена на разоблачение пороков, царящих в нашем городе. Статья так и называлась „Город семи королей“. Под королями подразумевались семь главных грехов…»

Девка в телевизоре говорила еще что-то об убитой журналистке и о бедных наших грешных душах, но мне было уже неинтересно. Настроение было испорчено.

В кои-то веки соберешься вкусно поесть, отдохнуть, расслабиться… Так ведь нет, обязательно тебе в самый неподходящий момент изуродованный труп подсунут. Ну почему бы им не сообщить об этом, скажем, завтра? А что, в утренних новостях, очень даже хорошо. После сна, для бодрости. Ты ходишь, зеваешь, глаза продрать не можешь, а тут тебе – раз! – И весь сон как рукой сняло.

И опять эти семь грехов… Что-то они весь день сегодня меня преследуют. И в чем это я так провинилась, интересно было бы знать? Наоборот, кажется, только и делаешь, что стремишься наказать зло, так нет, только сядешь отдохнуть или зайдешь в кафе чашечку кофе выпить, на тебе, – сразу о грехах напоминают.

Я понажимала каналы и остановилась на том, по которому шла какая-то юмористическая передача. Здесь зрителя не пугали. Здесь наоборот – шутили. Сами шутили, сами же и смеялись, поэтому трапезничать под нее можно было совершенно спокойно.

Благодаря передаче я благополучно закончила ужин и уже подумывала о крепком здоровом сне после утомительного похода по магазинам, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, я бы хотел поговорить с Татьяной Ивановой, – раздался в трубке приятный мужской голос.

– Слушаю вас.

– Извините, что беспокою вас в такой поздний час, но…

– Ничего, ничего. У вас, наверное, какое-то дело ко мне?

– Да… Да, дело. Видите ли, знакомые говорили мне, что вы занимаетесь частными расследованиями, и довольно успешно, так вот… я… я бы хотел… ну, как это…

– Вы бы хотели заказать мне расследование?

– Ну да. Да, именно. Да, хотел бы заказать расследование, но… но не знаю, согласитесь ли вы… Видите ли, дело в том… это расследование… оно может оказаться… довольно опасным…

В трубке повисла пауза, и я поняла, что мой собеседник не будет продолжать разговор, пока не уяснит для себя, насколько велика степень моей храбрости. В общем-то, встречаться с опасностями мне было не впервой, но сейчас, когда я еще не представляла, о чем может пойти речь, я не могла дать однозначного ответа, готова ли иметь дело с опасностями, которые сулил мне мой загадочный собеседник. Я решила ответить обтекаемо:

– Относительно опасностей могу сказать вам, что, учитывая специфику моей работы, мне приходилось сталкиваться с ними не раз. Что же касается конкретно вашего дела, думаю,

вы и сами понимаете, что заявить о своем согласии или несогласии взяться за него я смогу не раньше, чем узнаю, хотя бы в общих чертах, главные обстоятельства.

– Да, да, конечно, но… возможно, эти обстоятельства покажутся вам несколько необычными… видите ли… речь пойдет о… о семи смертных грехах.

И этот туда же! Да что они все сегодня, сговорились, что ли?!

Я не стала обрушивать на своего собеседника шквал эмоций. В конце концов, он-то в чем виноват? Человек обратился ко мне с проблемой, наверное, нешуточной, если уж он решился побеспокоить меня… Кто знает, может, он в церкви какой-нибудь служит, а там насчет грехов вообще строго. Взял один какой-нибудь попик чего-нибудь нарушил, а другой его за это и…

Мне захотелось проверить свою догадку:

– Вы, наверное, представляете какую-нибудь из религиозных общин?

– Я?! Нет. Нет, что вы, я… Ах да, я ведь не представился, поэтому вы… Простите, я сейчас в таком состоянии… не очень хорошо соображаю. Все это так… неожиданно… неожиданно и жутко. Но я сейчас все объясню. Меня зовут Аркадий Свиридов, я журналист. Работаю в газете «Городские вести»…

Смутные догадки уже начинали появляться в моей голове. Семь грехов, журналист… Не иначе мне хотят предложить расследование убийства той самой журналистки?

– Но, в общем-то, речь не обо мне, – продолжал мой собеседник. – Все дело в… не знаю даже, как это сказать… Видите ли, одна из моих коллег… ну, как бы это… в общем, мы были близки и даже собирались пожениться… ну вот. В общем-то мы давно уже живем вместе, у меня своя квартира… но мы хотели узаконить отношения, чтобы все было по-настоящему, дом, семья… А теперь, когда все это произошло… и главное, так внезапно…

В трубке послышались вздохи и уже начали раздаваться всхлипывания, когда я решила перевести беседу из области чувств и эмоций в область реальности и фактов.

– Как звали вашу подругу?

– А я не сказал? Извините, я так волнуюсь… Все никак не могу прийти в себя. Ее звали Лана. То есть Светлана. Светлана Осипова. Но для репортажей она взяла себе псевдоним Лана Оса. В нашей газете есть рубрика «Город без грима», в которой часто публикуются довольно острые репортажи… ну, там, о городских властях, о злоупотреблениях… в общем, вы понимаете…

– Да, конечно.

– Ну вот. Одним из постоянных авторов этой рубрики была моя бедная Лана. Она взяла такой псевдоним, чтобы подчеркнуть… ну, как бы это сказать… свою бескомпромиссность, что ли. В общем то, что она будет писать правду, независимо от должности и положения того человека, о котором идет речь. Ну вот… И она действительно очень часто находила факты, обличающие разные махинации тех или иных представителей городской администрации или еще каких-либо должностных лиц, иногда весьма высокопоставленных. И должен вам сказать, что еще не было ни одного случая, чтобы кто-то из них смог дать обоснованное опровержение. Да, Лана умела делать свою работу… Возможно, это и погубило ее. Последняя статья, над которой она работала, называлась «Город семи королей». В ней Лана говорила о том, что в действительности настоящие правители города это не мэр или администрация, а семь главных человеческих грехов, которые были известны еще испокон веков. Ну вот. И как бы для иллюстрации своего утверждения на каждый из таких грехов Лана приводила в своей статье описание конкретного случая, когда, предположим, в результате алчности кого-то из представителей власти страдали люди, простые горожане. Фамилии и должности в статье не назывались, но случаи были достаточно характерными, чтобы действующие лица могли себя узнать… Ну вот. А сегодня… сегодня… Лану нашли убитой.

Голос моего собеседника задрожал, и я почувствовала, что он вот-вот снова потеряет самообладание и разрыдается. Чтобы избежать этого, я вновь постаралась направить беседу в деловое русло.

В трубке снова возникло молчание.

– Вы считаете, что ее убили из-за этой статьи?

– Видите ли… эти случаи… ну, которые она приводила как бы в пример… – подозрительно шмыгая носом, говорил человек на том конце провода, – там… рассказывалось о довольно серьезных злоупотреблениях. И о довольно высокопоставленных людях. Лана говорила мне, что эта информация стала известна ей благодаря какому-то тайному источнику и что она не может привести доказательства каждого из упомянутых фактов, поэтому и не называет фамилий. Но сами герои этой статьи, несомненно, узнали бы себя. И не только они, а и другие, те, кто мог иметь отношение к упомянутым злоупотреблениям, или те, кто хотел бы, предположим, подсидеть своих конкурентов… Понимаете, что я имею в виду?

– Думаю, да. Хотя в статье и не назывались фамилии, но заинтересованные люди, догадавшись, о ком идет речь, могли начать копать под них и, вполне возможно, докопались бы до конкретных фактов, которые могли бы изрядно подпортить карьеру героев статьи.

– Да, да, именно. Подпортить им карьеру или даже совсем… убрать их, сместить с должности и занять их место. Или поставить своих людей на это место. Ну, в общем… мотивы были. Ох уж мне эти чиновники, эта политика… Ведь говорил я ей, сколько раз говорил! Но куда там! Разве она послушает… а теперь вот…

– Но, если я правильно вас поняла, статья еще не появилась в печати? Как же они могли…

– Да что вы! Да ведь в том-то все и дело, что не появилась! Если бы появилась, то и смысла бы не было… убивать. Когда информация уже стала достоянием общественности… зачем? А так… Ведь статья не была дописана… Вы знаете, я даже думаю, что именно тот, о ком Лана не успела написать, тот и есть… убийца.

– Но каким образом этот предполагаемый убийца мог узнать о том, что Лана собирается писать о нем?

– Да, это вопрос. Но… думаю, здесь не было ничего невозможного. Ведь при подготовке репортажа Лана общалась с разными людьми, и потом, ее источник… может быть, как-то через него произошла утечка. В общем… думаю, при желании узнать можно. К тому же у сильных мира сего везде есть глаза и уши. Иногда даже в таких местах, о которых и не подумаешь…

– Значит, вы считаете, что кто-то из героев последнего репортажа Ланы узнал о том, что какие-то его темные делишки могут вскоре стать достоянием общественности, и, чтобы избежать этого, решил убить ее?

– А почему бы и нет? Мне известна подоплека нескольких историй, о которых рассказывала Лана, если бы по этим фактам ей удалось найти доказательства, для фигурантов это означало бы тюремный срок, не меньше. Не говоря уже о перспективе распрощаться с должностью и карьерой. Так что не думайте, что это был какой-то обычный репортаж, рассчитанный на скороспелую сенсацию. Нет, все было очень серьезно. Лана умела делать свою работу, я уже говорил вам.

– И вы хотите, чтобы я определила, кто же из героев репортажа мог иметь причины устранить Лану? Я правильно вас поняла?

– Не совсем. Судя по тому, что мне известно об этой статье, каждый из ее героев мог иметь такие причины. Поэтому вопрос скорее не в том, кто мог иметь намерение, а в том, кто его осуществил. В общем, я хочу, чтобы вы нашли убийцу.

– Понятно. Тогда другой вопрос. Насколько я поняла, этот случай уже получил общественный резонанс, о нем передавали в новостях, ну и так далее… Учитывая все это, можно предположить, что и официальные органы с должным вниманием отнесутся к расследованию

убийства, ведь дело наверняка уже возбуждено. Почему бы вам просто не дождаться результатов официального расследования?

– Видите ли, – медленно произнес мой собеседник после небольшой паузы, – конечно… официальное расследование… и резонанс… все это вы правильно подметили, но… в общем… в общем, у меня нет уверенности, что официальное расследование сможет выйти на настоящего убийцу.

– Откуда такое недоверие? Думаете, и органы внутренних дел не чужды смертных грехов?

– Вы шутите, а мне совсем не до шуток. Поймите, в деле замешаны высокопоставленные лица, люди, известные в городе. Наверняка они не захотят, чтобы следственные органы слишком углублялись в содержание этой статьи, и уверяю вас, они найдут необходимые рычаги, чтобы направить расследование в удобную им сторону. Найдут какого-нибудь козла отпущения – вот вам и преступник.

– Но…

– Но даже если рассматривать идеальный вариант и предположить, что на следствие не будут оказывать никакого давления, неизвестно, сколько времени оно продлится. А пока оно будет длиться, случай постепенно забудется. Тот общественный резонанс, о котором вы говорили, сойдет на нет, и вполне возможно, все закончится ничем. А меня это не устраивает… Поймите, ведь погиб очень близкий мне человек, и не просто погиб, а был зверски убит… Вы видели репортаж в новостях?

– Увы, да.

– Ну вот. А теперь попробуйте поставить себя на мое место. Если бы такое сделали с кем-то из ваших близких, с вашим возлюбленным, что бы вы чувствовали?

Последние фразы Свиридов договаривал уже срывающимся голосом, и я поняла, что на сей раз переводить разговор в деловое русло бесполезно. Эмоции все равно окажутся сильнее.

Через некоторое время, дождавшись, когда мой собеседник успокоится, я продолжила разговор.

– Да, ваши чувства очень понятны, – вздохнула я, – но если вы заинтересованы в быстром расследовании, почему бы вам самому не заняться им? Вы сэкономите и время, и деньги. Ведь так называемые журналистские расследования сейчас проводятся все чаще. А у вас есть те преимущества, что вы в курсе всех дел Ланы и даже, насколько я поняла, знаете, о ком именно могла идти речь в ее последней статье.

– Видите ли, – сказал мой собеседник после долгой паузы, – мне и в голову не приходило ничего подобного. И потом, сам я довольно далек от того, над чем работала Лана. Мой профиль – спортивная тематика. А всевозможные расследования – не моя сфера. Лана иногда занималась подобными вещами, и, признаюсь, каждый раз, когда она раскручивала очередную «историю с географией», я очень волновался за нее. Ведь она простая журналистка, у нее нет такой «крыши» и связей. Она была слабее тех, кого выводила на чистую воду. И ей всегда могли причинить вред… да в общем-то так и вышло… Нет, журналистские расследования – это не для меня. Если уж Лана, которая имела опыт и все-таки знала, где можно и надавить, а где нужно соблюсти осторожность, если уж и она… то я-то тем более… Нет, я предпочитаю обратиться к профессионалам. О вас, Татьяна, я слышал много положительных и даже восторженных отзывов, мне говорили, что обычно вы проводите расследования довольно оперативно, и думаю, что это как раз то, что мне нужно.

– Что ж, спасибо на добром слове. Но если я возьмусь за дело, мне будет необходимо гораздо больше информации, чем я имею на данный момент. Например, та статья, о которой идет речь… у вас имеются… ну, не знаю… черновики, например?

– Да, да, конечно, все это есть. В редакции Лана, конечно, не оставляла ничего, но у нас дома, в компьютере, все сохранилось.

«У нас дома»? Недурно, недурно. Похоже, намечавшееся «предложение» было не более чем простой формальностью. Но тут мне пришла совсем другая мысль по поводу этого «у нас дома».

– Послушайте, Аркадий, если вы считаете, что Лану убили из-за этой статьи, вы не думаете, что небезопасно так вот просто держать материалы дома в компьютере? Может быть, стоит найти для них более надежное место?

– О! И в самом деле… представьте, я и не подумал. Но, с другой стороны, когда и думать-то было, все это так свалилось на меня… как снег на голову. Да, конечно, вы правы, Татьяна, с хранением статьи нужно будет что-нибудь придумать… А когда вы сможете посмотреть ее?

– Откладывать не стоит, если вам удобно, я могла бы сделать это, например, завтра утром.

– Да, вполне. Вполне удобно.

– Заодно договоримся и об оплате, – не забыла я напомнить о весьма немаловажной составляющей частного расследования. – Мои расценки вам известны?

– Да, я… мы найдем деньги.

– Потребуется небольшой аванс.

– Да, разумеется, об этом не беспокойтесь.

Ну вот и прекрасно. Значит, беспокоиться не буду. Осталось наметить место встречи.

– Где нам лучше встретиться?

– Вы знаете, вам ведь все равно нужно будет смотреть статью. Кроме того, возможно, вас заинтересуют и какие-то другие материалы… так что, думаю, лучше всего будет встретиться у нас… точнее, теперь у меня дома. Лана всю основную работу делала здесь, так что, если возникнут какие-то дополнительные вопросы, вы сразу же сможете получить нужную информацию.

– Хорошо, я подъеду к вам домой.

– В девять утра подойдет?

– Подойдет.

Записав адрес, я положила трубку и, вспомнив, что еще совсем недавно собиралась мирно отойти ко сну, посмотрела на часы. Они показывали уже почти двенадцать ночи, оказалось, что мы разговаривали с журналистом больше часа.

«Нет, все-таки журналистика – это особый талант, – думала я, укладываясь в постель. – Это ж надо – почти полтора часа морочил голову и ухитрился почти ничего не сказать. Ведь все, что в нашем разговоре непосредственно относилось к делу, можно было уместить в нескольких словах. Убита журналистка, по всей видимости, из-за статьи, в которой она приводила обличительные материалы на некоторых высокопоставленных людей города. Причем материалы бездоказательные, насколько я могла судить. Вот и все, собственно. А рассказывал весь вечер».

* * *

На следующий день в девять часов утра я уже поднималась в лифте на шестой этаж многоквартирного дома в одном из так называемых «спальных» районов нашего города.

Еще раз уточнив по своим записям номер квартиры, я нажала кнопку звонка, и через некоторое время передо мной предстал молодой и довольно приятный на вид, но несколько неряшливо одетый человек.

– Вам кого? – обалдело глядя на меня, спросил он.

– Вас, вероятно. Я Татьяна Иванова, частный детектив, мы с вами вчера договаривались о встрече. Господин Свиридов, если не ошибаюсь?

– Вы?! Вы – частный детектив?! – изумленно спросил господин Свиридов.

Не иначе, он в своем воображении представлял меня чем-то вроде кабинетной фурии в стоптанных туфлях и с хвостиком, перетянутым грязной тряпочкой. И хотя я вовсе не намере-

валась сразить Свиридова своей красотой, а просто прилично оделась для утреннего делового визита, было совершенно очевидно, что произвела большое впечатление на своего клиента.

Но сама я в тот момент была очень далека от эмоциональных всплесков. Как мужчина, журналист не произвел на меня впечатления, он явно был не в моем вкусе, поэтому я сосредоточилась на том, что же может дать мне его неподдельное изумление в плане информации по делу.

Если он впадает в такой транс, увидев хорошо одетую женщину приятной наружности, то, скорее всего, эта его Лана имела очень средний внешний вид и действительно была, что называется, «вся в работе». И если моя догадка верна, то вполне может оказаться, что верно и предположение журналиста о том, что мотивом к ее убийству послужила именно профессиональная деятельность. Шутки шутками, а если всю себя посвятить тому, чтобы откопать какие-нибудь интересные факты про интересных людей, то в конце концов можно их и откопать. А уж как на них отреагируют эти самые интересные люди, – и гадать не надо.

«Не мешало бы просмотреть ее архив, – думала я в то время, как онемевший господин Свиридов удивленно разглядывал меня со всех сторон, – прошлые репортажи, особо нашумевшие статьи… Это может помочь составить более внятное представление о том, насколько ее журналистская деятельность действительно могла помешать кому-то».

– Ну и ну! – наконец обрел дар речи клиент. – Частный детектив… надо же… Если бы я встретил вас где-нибудь на улице, я бы подумал, что вы фотомодель.

– Спасибо, но может быть, вы позволите мне войти?

– О! Да, конечно! Извините, я что-то… растерялся немного. Пожалуйста, проходите, – сказал журналист, пропуская меня в коридор небольшой двухкомнатной квартирки, такой же неопрятной, как и ее хозяин. – Извините, у меня не убрано…

– Ничего, ничего, – вежливо ответила я.

В конце концов, мне ведь здесь не жить.

– Чем вас угостить – чай, кофе? – спросил Свиридов.

Вежливо отказавшись от рискованного эксперимента с угощением, я попросила Свиридова показать мне, где работала Лана.

Посмотрев на место, где рождались шедевры Ланы, я сразу поняла, что моя догадка о том, что журналистика была для нее смыслом всей жизни, оказалась верна.

Одна из комнат квартиры, по всей вероятности, зал, была разгорожена шкафом на две половины. По всей видимости, сделано это было для того, чтобы коллеги не мешали друг другу. В каждой из образовавшихся частей стоял стол с компьютером, который был едва виден из-за наваленных на него бумаг. Причем если на половине Свиридова бумаги валялись только на столе и на полках, то на половине Ланы они огромными стопками лежали и на полу, и на подоконнике, и даже, как мне показалось, на потолке.

– Это все статьи Ланы? – наивно спросила я.

– Ну что вы! Статьи все в компьютере. Это – так… подготовительные материалы, черновики… Правда, раньше Лана собирала газеты со своими публикациями, но потом перестала. Как говорится, прелесть новизны пропала, сам факт того, что напечатали твой материал, превратился в рутину, и ей гораздо интереснее стал сам процесс добывания всевозможных интересных сведений. Иногда она так увлекалась этим, что не знала меры. Вот и в этот раз… Ее идея – показать истинное лицо наших правителей, используя концепцию семи смертных грехов, очень понравилась ей, и она довольно долго с ней носилась… Ведь нужно было собрать очень много материала, и причем не какого-нибудь, а совершенно определенного. Ну, вот и собрала…

– Я могу посмотреть статью? – спросила я.

– Да, конечно. Присаживайтесь вот сюда, за компьютер, я сейчас покажу вам файлы. Правда, там пароль… но, впрочем, я знаю.

Аркадий включил компьютер и показал мне файл с последней статьей Ланы, а также архивные файлы, где хранились прошлые ее репортажи.

– Вот, здесь статья, можете почитать. Правда, это черновик, но я знаю, что Лана уже заканчивала работу, так что, думаю, все будет понятно. Я не буду вам мешать, если возникнут какие-то вопросы, позовите меня, я буду на кухне. Я еще не завтракал, – смущенно закончил свою речь мой новый клиент.

Поблагодарив Свиридова за содействие, я углубилась в изучение статей Ланы, а сам Аркадий, судя по звукам, время от времени доносившимся из кухни, пытался то ли приготовить что-то, то ли помыть посуду.

Файл, в котором хранилась последняя статья Ланы, был так и озаглавлен: «Город семи королей». Однако, открыв его, я сначала не обнаружила ничего такого, что было бы похоже на газетную статью, как она рисовалась в моем воображении. Страниц пять занимали какие-то отрывочные предложения, непонятные по смыслу абзацы без начала и конца, и только добравшись до шестой страницы, я набрела на что-то, что отдаленно напоминало план статьи.

Это был набор тезисов весьма незамысловатого содержания, типа: «начать с этого, а вот это – после этого, а это – уже после того». Непосредственно вслед за планом шли два более развернутых варианта статьи, причем под вторым из них была проставлена какая-то странная дата. Если число и месяц этой даты были вполне сопоставимы с периодом, в который могла писаться статья, то год почему-то был обозначен не текущий, а прошедший. Впрочем, вполне возможно, что Лана ошиблась просто по рассеянности.

Последняя, третья редакция, по всей видимости, и представляла собой вариант, наиболее близкий к тому, как должна была выглядеть эта обличительная статья на страницах газеты.

Слог был довольно бойкий. Немного порассуждав об испорченности современных нравов и нехорошем поведении инспекторов на дорогах и чиновников в кабинетах, Лана с несколько преувеличенной, на мой взгляд, амбицией выставляла вопрос: «Так кто же в действительности правит нашим городом? Кто диктует правила игры? В чьих руках реальная власть над нами? Может быть, городом управляет мэр, которому есть дело только до того, как бы не потерять свой пост? Или министры, которым вообще ни до чего нет дела, кроме своевременного получения присвоенного содержания? Или канцелярские чиновники, которые за одной справкой подчас гоняют простых горожан по полгода? Нет, нет и еще раз нет! Все эти люди не имеют реальной власти хотя бы уже потому, что сами находятся под властью. Под властью главных человеческих пороков, которые известны нам испокон веков и которые в современном мире, к сожалению, имеют над людьми гораздо большую власть, чем в древние времена».

После этого пороки назывались своими именами и приводились действительно довольно характерные примеры того, как гнев, алчность или гордыня людей, обладающих властью, приводила к весьма плачевным результатам.

Если верить статье Ланы, даже такой, казалось бы, безобидный для окружающих грех, как обжорство, может привести к трагедии. Причем к трагедии именно для окружающих, а не для самого любителя плотно покушать.

Читая этот пример, я вспомнила разговор двух девушек, накануне подслушанный мной в кафе, когда одна объясняла другой, что обжорство и чревоугодие – не совсем одно и то же. В статье Ланы речь шла именно о чревоугодии.

В ней говорилось о том, что некто, хотя и не занимающий ключевого поста в администрации, но тем не менее имеющий социальный вес благодаря высокопоставленным родственникам, любил захаживать в один недешевый ресторан и заказывать там экзотические блюда. «Пресытившись всевозможными заморскими диковинами и не зная уже, чем бы удовлетворить свой изысканный вкус», – как гневно писала Лана, этот некто в последнее время получил вкус к несколько подпорченным блюдам. Прокисшие салаты, рыба «с запашком» и прочие

оригинальности обязательно включались в его меню. Разумеется, потчуя своего высокого гостя столь оригинальными кушаньями, повар находился в условиях постоянного нервного стресса. Во-первых, блюдо не должно было быть откровенно тухлым, нужна была именно только едва заметная «вторая свежесть», которая могла бы удовлетворить вкус гурмана, поэтому повар все время боялся «передержать» кушанье. Ну и, во-вторых, иногда даже легкая испорченность блюда могла привести к тяжелым последствиям, поэтому вторая причина головной боли повара заключалась в том, что он, сам того не желая, мог спровоцировать отравление своего клиента.

Что в конце концов и произошло. Неизвестно, то ли угощения в тот злополучный день были «выдержаны» несколько долее, чем требовалось, то ли вся причина скрывалась в каком-нибудь неправильном сочетании продуктов, но дорогого гостя от стола увезли прямехонько в реанимацию.

Разумеется, родственникам высокопоставленного лица незамедлительно сообщили о случившемся, и разгорелся скандал. И разумеется, во всем оказался виноват повар. В своей статье Лана акцентировала внимание на том, что несчастный и без того уже достаточно натерпелся. Ведь, с одной стороны, соблюдая профессиональный кодекс, он не мог подавать клиенту блюда, несущие потенциальный вред здоровью, а с другой стороны, он не мог и не подать эти блюда, так как, не выполнив требования такого посетителя, скорее всего распрощался бы со своим местом. И теперь он же подвергается наказанию.

Тоном, преисполненным возмущения, Лана писала, что родственники неудачливого обжоры (для которого, кстати, инцидент окончился вполне благополучно), используя свои связи, настояли на проведении официального расследования, хотя случай и так был предельно ясным, и в результате против невинного фактически человека было возбуждено уголовное дело. А у него, между прочим, жена и двое детей.

Внимательно прочитав эту часть статьи, я задумалась о том, что сказал мне Аркадий во время нашего вчерашнего телефонного разговора. А именно, что героям статьи, хотя фамилии их и не названы, легко будет узнать себя в этом репортаже. Действительно ли это так?

Вот, например, этот обжора, сможет ли он узнать себя? Посмотрим. Для начала отметим, что хотя и бывают на свете такие гурманы, но иметь вкус к протухшей еде – это, знаете ли… действительно что-то уж совсем из ряда вон. Кроме того, очевидно, что речь шла не о простых гражданах, а о так называемой «тусовке», а в тусовке все всё про всех знают, так что такие оригинальные вкусы наверняка не были секретом для друзей и приближенных «гурмана».

Человек, постоянно посещающий один и тот же ресторан, делающий одни и те же оригинальные заказы, – такой человек не только сам себя легко узнает в статье, но и не сможет сохранить свое инкогнито для окружающих. Разумеется, окружающих из его круга. А если учесть, как жестоко был наказан повар за поступок, в котором, по сути дела, не был виноват, то само собой понятно, что герой репортажа не будет в восторге от того, что его история получит огласку.

Другой вопрос – достаточен ли этот мотив для убийства? Впрочем, ответить на него я смогу, только изучив остальные шесть случаев во всех подробностях.

Составив общее впечатление о последней статье Ланы, я решила подробным ее изучением заняться дома, а сейчас мне нужно было получить как можно больше информации от сожителя журналистки – Аркадия Свиридова.

Глава 2

Я позвала Аркадия в комнату и попросила у него разрешения скопировать нужные мне файлы.

– Да, разумеется, – с готовностью отозвался он, – все, что вам необходимо, в вашем полном распоряжении.

– Вам я тоже не советую оставлять эту информацию в компьютере, Аркадий. Если дело действительно в статье, лучше будет скопировать ее на внешний носитель и до поры до времени спрятать в надежное место.

– Да, я уже думал об этом. Но, честно говоря, ни одного по-настоящему надежного места мне так и не пришло на ум.

– Ну, для начала, я думаю, будет нелишним передать одну из копий в руки компетентных органов. Рано или поздно следователи все равно захотят поговорить с вами, поскольку вы были близки с Ланой. И, кроме того, если вы так уверены, что именно статья явилась настоящей причиной убийства, то чем раньше вы сообщите об этом куда следует, тем лучше.

– Наверное, вы правы… да, действительно, в милиции эта статья будет под надежной охраной. Если о содержании статьи узнают и другие люди, то, пожалуй, преступникам уже не будет смысла… покушаться на меня.

– И это тоже. Вы всегда можете сказать, что отдали материал по требованию следственных органов. Хотя это, конечно же, не помешает вам сделать копию и спрятать ее… ну, не знаю… хоть в камеру хранения, что ли.

– Да, вы правы. Думаю, я так и сделаю.

– Теперь поговорим о статье. Если не ошибаюсь, в нашем вчерашнем разговоре вы упомянули о том, что подоплека некоторых случаев из этой статьи вам известна более подробно?

– Да, два случая. С одним адвокатом и одним чиновником. По-моему, случай с адвокатом Лана приводила для иллюстрации алчности. Помнится, там шла речь о том, что из-за денег он отправил в тюрьму человека, который был виноват только в том, что не понравился кому-то.

– Минуточку, но ведь адвокаты, наоборот, занимаются защитой осужденных.

– Ну да. Но из тех расследований, которые проводила Лана, собирая материал для своих репортажей, я лично сделал вывод, что адвокаты занимаются очень разными вещами… Не все, конечно. Но те, кому все равно, за что получать деньги, а важен только размер гонорара, они… не только оправдывают. Если человек долго работает в определенной сфере, у него, как сами понимаете, накапливаются разные связи, появляются знакомые, агенты и прочая шушера. С помощью этих людей адвокат, например, может так же легко подстроить обвинение, как и устроить оправдание.

– И именно о таком адвокате шла речь в статье?

– Да, именно о таком.

– Понятно. Ну, а чиновник, с ним какая история?

– А чиновник был, по всей видимости, человеком весьма несдержанным, потому что его Лана определила в рубрику «Гнев». Саму историю я в подробностях не знаю, но суть дела, если не ошибаюсь, в том, что кто-то чем-то не угодил сыну чиновника, отчего тот сразу очень рассердился и устроил так, что с этим не угодившим поступили очень скверно. То ли с работы уволили, то ли вообще в тюрьму посадили.

«Да что же это их всех как по команде друг за дружкой в тюрьму сажают, – подумала я. – Какое-то подозрительное однообразие развязок. Впрочем, для самих действующих лиц статьи это слабое утешение. Сесть в тюрьму в виде исключения так же неприятно, как и за компанию».

– Вы сейчас сказали, что дело в подробностях вам неизвестно, а между тем, кажется, пообещали сообщить мне именно подробности двух названных вами случаев.

– Ну, не то чтобы подробности… дело в том, что мне известны фамилии этих людей.

– Адвоката и чиновника?

– Да.

Ну наконец-то! Хоть какая-то реальная зацепка.

– Насчет адвоката, – продолжал Свиридов, – Лана как-то сама проговорилась. Все называла его «адвокат», а тут вдруг вырвалось у нее «Свинтицкий», ну я и догадался. А потом как-то мы были в центре, гуляли, заходили в кафе, ну и прочее, и возле одного переулка она сказала, что ей нужно на минуту зайти тут в одну контору по делу. Ну и исчезла. Ненадолго, правда. Зашла и почти тотчас же вышла. Но я все равно успел заглянуть в этот переулок. Он весь буквально пестрел вывесками разных контор. Наверное, там аренда дешевая…

«Или место укромное», – машинально подумала я.

– …Ну вот. И среди всех этих вывесок была одна, где было написано «Адвокатская контора». Я сразу понял, что это контора Свинтицкого. Ведь Лана в это время как раз работала над статьей, а других адвокатов в материале нет.

– Адрес конторы вы мне сообщите?

– Конечно. Тихий переулок, 6. Это в самом центре, поворот с улицы Свердлова.

– Понятно. А фамилия чиновника?

– Да, вот насчет чиновника мне известна только фамилия. Правда, знаю еще, что он работает где-то в администрации. Фамилия его Яковлев. Это Лана по телефону говорила с кем-то, как раз по поводу статьи. Ну вот, я и услышал нечаянно.

– То есть должность этого чиновника вам неизвестна?

– К сожалению, нет.

– Что ж, для начала и фамилия – это тоже неплохо. Еще какие-то подробности статьи вы можете припомнить? Какие-нибудь случайно оброненные фразы, необычные высказывания?

– Нет, больше ничего.

– А вообще, в поведении Ланы в последнее время не было ничего необычного? Могла ли она догадываться, что на нее готовится покушение? Может быть, ей кто-то угрожал?

– Нет, совершенно ничего такого. Наоборот, я уже говорил вам, что она всегда относилась к этому чересчур уж легко. Прямых угроз не было, а чтобы лишний раз соблюсти осторожность – это ей и в голову не приходило. Если б знать…

Да, знал бы, где упасть, – соломки бы подстелил. Только вот поздновато задумался об этом уважаемый господин журналист.

Получив сведения относительно статьи Ланы, я посчитала, что наступил самый подходящий момент для обсуждения финансовой стороны дела. Учитывая не слишком блестящий интерьер квартиры Свиридова, а также то, что профессия его не предполагала получения сверхдоходов, я хотела было несколько снизить сумму своего обычного аванса, но он, не говоря лишних слов, просто достал из какого-то ящика тысячу долларов, по всей видимости, приготовленную заранее.

– Столько пойдет? – спросил Свиридов.

– Вполне.

Начало обнадежило меня. Оставалось только пожелать, чтобы и в дальнейшем все финансовые вопросы решались также коротко и ясно.

Предупредив Свиридова, что по ходу расследования могут возникнуть дополнительные расходы и записав номер его мобильника на случай экстренной связи, я попрощалась и отправилась восвояси.

* * *

Приехав домой, я закурила сигарету и задумалась о том, каким же должен быть план моего нового расследования.

С одной стороны, все было достаточно просто, – в первую очередь необходимо отработать всех героев статьи и посмотреть, к чему это приведет. С кого начинать, тоже было ясно, – чиновник и адвокат. Именно эти две персоны были на данный момент известны мне если уж не во всех подробностях, то как минимум пофамильно. Кроме того, я знала место работы каждого из них, а это не так уж мало.

Да, относительно фигурантов статьи все было ясно. Но, раздумывая над этим делом, я поняла, что у меня слишком мало информации, касающейся самого убийства. Как именно оно произошло? Где именно? Имело ли оно какие-то характерные детали?

Все это были вопросы, на которые эмоциональное заявление диктора телевидения, увы, удовлетворительного ответа не давало. Чтобы иметь реальное представление о том, как произошло убийство, мне необходимо было взглянуть хоть одним глазком на труп, да и на месте преступления побывать. Помочь в этом могли только мои старые связи. Я подумала, что подполковник Кирьянов уже в курсе дела и не откажет в помощи старой боевой подруге, и набрала нужный номер. Вскоре в трубке прозвучало знакомое:

– Кирьянов, слушаю.

– Здравствуйте, Владимир Сергеевич, как ваше драгоценное здоровье?

– О, Танюша! Здравствуй, рад тебя слышать. Стряслось что-нибудь?

– Как все-таки плохо вы обо мне думаете, Владимир Сергеевич. Ну почему бы не предположить, что человек может позвонить старому другу просто для того, чтобы узнать, как у него дела, как самочувствие…

– Предположить, конечно, можно, да что-то… верится с трудом.

– И так всегда! Ну никаких ты, Киря, не хочешь видеть намерений во мне, кроме корыстных.

– А что ты хочешь? Вот сейчас, как ни напрягаю память, ни одного случая не могу припомнить, чтобы ты звонила просто так.

– Правда?

– Правда.

– Ну вот, видишь, какая я молодец, никогда по пустякам тебя не отвлекаю.

– Татьян, да я заранее знаю, что как ни поверни, – а все равно выйдет, что ты молодец. Ладно, говори, чего надо.

– А вот слышал, по телевизору в новостях передавали, что журналистку убили?

В телефонной трубке возникла пауза, и я поняла, что моя попытка пошутить оказалась неудачной и Киря обиделся.

– Ну, спасибо тебе, Татьяна, – наконец проговорил он, – спасибо на добром слове. Ты, значит, хочешь сказать, что я такие новости из телевизора узнаю… спасибо.

– Кирюша, да ты что, обиделся, что ли? – поспешила я загладить свою оплошность. – Да я же пошутила! Вот и разговаривай с тобой! Все время было у человека чувство юмора, и вдруг – на тебе!

– Да нет, что уж тут… я не обижаюсь, – пробубнил Киря.

Мне потребовалось еще долго уговаривать его, прежде чем я поняла, что мир восстановлен.

– Так вот, насчет журналистки, – вернулась я наконец к интересующей меня теме, – не поделишься знаниями?

– Что, клиент наклевывается?

– Вроде того.

– А конкретно, что тебя интересует?

– Ну, например, труп хотелось бы посмотреть, да и вообще… Узнать, что по этому поводу думают официальные органы.

– А сама-то ты что думаешь?

– Сама я, еще даже не начав расследование, ничего думать не могу, а вот клиенты мои, например, думают, что убийство связано с профессиональной деятельностью потерпевшей.

– В самом деле? Ну что ж, клиентов своих можешь поздравить – новости они смотрят очень внимательно, – поддел меня Киря. – А исходя из такой информации, и выводы делают… соответствующие.

– А ты думаешь, ее репортажи здесь ни при чем?

– Я думаю, что они здесь даже приблизительно ни при чем.

– А вот, например, последняя статья…

– Да, да, я в курсе, именно о ней и говорили в новостях.

– Ладно, хватит уже, злопамятный мой. Почему ты думаешь, что убийство не связано со статьей?

– Я тебе скажу так, у всех журналистов одна и та же профессиональная болезнь, каждый из них абсолютно уверен, что именно он и есть тот самый пуп земли, который всех так интересует. Это у них еще с перестроечных времен пошло, когда газетные репортажи и правда имели какое-то значение. Но времена давно переменились, и на то, что пишут в газетах, никто не обращает внимания. Все заранее уверены, что если материал обличающий, то это или черный PR, либо заказной репортаж. У нас уже был такой случай. Один тоже вот, не хуже этой Ланы, получил по полной программе, еле в реанимации откачали. И конечно, не успел очухаться, давай кричать: это все власти, мол, хотят отомстить за мою правду, ну и все такое, в этом духе. Мы начали копать, и правда поначалу подумали, что экзекуцию заказал один из таких не последних товарищей…

– Ну вот, я же говорю…

– Да ты до конца дослушай сначала, потом говори. Причина-то оказалась вовсе не в чересчур правдивых репортажах, а в том, что этот самый потерпевший состоял в любовниках у жены обвиняемого. Вот тебе и месть за правду.

– Хочешь сказать, что Лану заказала чья-нибудь ревнивая жена?

– Не исключено.

– Правда? Тогда отсюда, пожалуйста, поподробнее. – Похоже, у Кири имелась какая-то информация, недоступная широкой общественности.

– Ладно уж, расскажу тебе. Об этом ты из новостей не узнаешь.

Эта самая Лана, – продолжал Киря, видимо оценив мое смирение, – ничем не примечательная девушка из спального района. Происхождение у нее самое что ни на есть пролетарское и круг общения ограничивается вахтерами и продавцами. А между тем в своих репортажах она приводит информацию, касающуюся высших чиновников города, и информацию, как правило, достоверную. Откуда, ты думаешь, она могла ее получать?

– Я думаю, ты мне скажешь.

– Я-то сказать могу, но только по очень большому секрету.

– Ты мои принципы знаешь.

– Только на это и надеюсь. Информацию Лана получала от чиновника городской администрации Базеева Сергея Аверьяновича, для которого она являлась чем-то вроде общественного рупора, и не исключено, что по совместительству – любовницей. Через Лану Базеев доводил до сведения общественности то, что ему было нужно, ну и скорее всего не пренебрегал и некоторыми другими ее услугами. Известно, что самая крепкая любовь та, в основе которой лежит совместный бизнес.

– А что, у этой Ланы, у нее никого не было? – спросила я, вспомнив безутешного Аркадия. – Ну, в смысле, кроме этого чиновника.

– Кажется, кто-то был, но мне ли тебе объяснять, Танечка, что одно другому совершенно не мешает.

– В общем-то… да, действительно…

– Ну вот. Не будет ничего удивительного в том, что Базеев, рассказывая Лане всякие интересности о своих коллегах, нечаянно сболтнул что-то и о себе самом. Что-то такое, чего говорить не следовало и чем, возможно, Лана впоследствии могла бы его шантажировать, например. Это одно. Другое то, что Базеев женат. В этом тоже можно найти мотив. Во-первых, для самого Базеева, который, возможно, по каким-то причинам захотел отделаться от Ланы. Кто знает, может, она требовала, чтобы он женился на ней, или заявила, что беременна. А во-вторых, мотив мог быть и у жены Базеева, которая, нечаянно узнав о связи мужа, захотела, например, устранить соперницу. Конечно, все это пока только предположения, но согласись – предположения весьма вероятные.

– Что ж, пожалуй… То есть твои ребята сейчас будут отрабатывать именно эти направления?

– Да, думаю, они наиболее перспективные. Конечно, выводы сейчас делать рано, времени-то прошло…

– Кстати, вот что интересно, – времени ведь и действительно прошло всего ничего, откуда же ты успел столько интересных фактов нарыть?

– Да уж не из новостей… Откуда у меня эти данные, я тебе сказать не могу. Могу только намекнуть, что по одному из чиновников администрации мы проводили негласную проверку, а Базеев у нас разрабатывался, так сказать, параллельно.

– Что, тоже проверяли?

– Да нет… так, зацепили немножко.

– Ну и как результаты?

– В смысле?

– Нашли что-нибудь?

– Девушка, это закрытые данные, и к убийству журналистки они никакого отношения не имеют.

«Как знать», – подумала я про себя. А вслух спросила:

– Ну, а что насчет трупа? Разрешишь осмотреть?

– Кстати, насчет трупа. Мои ребята говорят, что по характеру нанесенных ранений можно сделать вывод, что убил Лану человек, находящийся в состоянии аффекта. А моим ребятам, сама знаешь, можно доверять. Так что вполне может оказаться, что к убийству этому не причастны ни чиновники, ни их жены. Может быть, у этой Ланы был какой-то тайный враг, который именно в этот вечер и дал выход своему раздражению. А еще вероятнее, что это вообще безмотивное убийство.

– Как так?

– А вот так. Шел мимо наркоша какой-нибудь под кайфом, и померещилось ему, что Лана – это циклоп и что он должен его уничтожить. Ну, он и уничтожил. И есть один очень реальный факт, который говорит именно в пользу этой версии.

– Что за факт?

Киря сделал многозначительную паузу и потом как бы нехотя сказал:

– Не следовало бы говорить тебе… да уж ладно. По старой дружбе. Только смотри – это самый главный секрет. Никому!

– Ладно, не томи.

– Орудие убийства – нож, нашли торчащим в трупе.

– У вас есть орудие убийства?!

– А як же ж.

– С отпечатками?!

– А як же ж.

Вот это была действительно новость. Иметь в руках орудие убийства! Да еще торчащее непосредственно в трупе! Да еще с отпечатками! Да это все равно что раскрыть дело. Впрочем…

– А отпечатки пробивали?

– Да когда же я тебе успел бы?! Нет, вы посмотрите на нее! Хочешь, чтобы я тебе за полчаса глухарь раскрыл?

– Да какой же это, Киречка, глухарь? Вон, и орудие у тебя, и отпечатки.

– Отпечатки… Во-первых, еще неизвестно, чьи это отпечатки. Убийцы или того, кто последний нож в руках держал до того момента, как убийца в перчатках его в труп воткнул.

– Это ты что-то слишком уж… закрутил. «Того» да «до того». А по-моему, если нож прямо так вот незатейливо в трупе торчал, то безмотивное здесь – самое то. Сам посуди, может ли профессионал допустить такой ляпсус? Да и непрофессионал… Если Лану действительно хотел убрать человек вменяемый, хотя, может быть, и сердитый на нее, навряд ли он стал бы оставлять на месте преступления главную улику. А вот если невменяемый… тогда совсем другое дело.

– Может быть, может быть…

– Так что же насчет трупа? Когда мне подойти?

– Та-ак… сейчас посмотрю. Вскрытие у нас назначено на завтра после обеда. Тебе как – до вскрытия или после?

– Разумеется, до. Впрочем, узнать результаты вскрытия тоже не откажусь. Вдруг ее сначала отравили, а уж потом в переулок привезли и ножом истыкали.

– Ну, если хочешь до вскрытия осмотреть, приезжай завтра с утра, я договорюсь.

– Кстати, где нашли тело, поточнее не скажешь?

– Ну, это уж и из новостей могла бы узнать.

– Киря! Не буди во мне зверя!

– Ладно, ладно, – довольным голосом заговорил мой друг. – Труп нашли в одной из подворотен на Некрасова. Там, короче, табачный ларек, а как раз напротив ларька этот самый переулок. А так, особых ориентиров нет, место глухое.

Улица Некрасова, хотя и располагалась довольно далеко от центра, но все же была еще дальше от того спального района, где проживала Лана со своим возлюбленным. Мне это показалось странным. Впрочем, может быть, на улице Некрасова находится редакция газеты «Городские вести», в которой работала Лана?

– А почему именно на Некрасова? Как она там оказалась? Шла в редакцию или к кому-то в гости?

– Как она там оказалась, пока непонятно. Редакция совсем в другом районе, а насчет знакомых еще предстоит выяснить. Может, просто вынюхивала что-нибудь для новой статьи. Они знаешь, журналисты-то эти… как собаки голодные, по всем подворотням шныряют.

Да, вопрос о том, как оказалась Лана на улице Некрасова, был далеко не праздный. Если у нее в действительности не имелось каких-то веских причин оказаться на Некрасова, то это могло полностью изменить картину преступления.

* * *

Попрощавшись с Кирьяновым и положив трубку, я снова закурила, обдумывая на этот раз информацию, которую сообщил мне Киря. Честно говоря, я была в растерянности. Действи-

тельно, вместо одного, довольно очевидного и вполне возможного мотива убийства, передо мной теперь было еще несколько, столь же очевидных и не менее возможных.

Если Лана получала свою информацию через какого-то высокопоставленного товарища, который к тому же еще и был ее любовником, то вполне могло оказаться, что именно эти отношения и породили какой-нибудь интересный мотив. Тот же шантаж, например. Да и ревность. Мне ведь пока неизвестно, что за жена у этого чиновника. Иная из ревности не то что киллера решится нанять – сама за нож возьмется.

Но хуже всего то, что убийство могло быть вообще безмотивным. И нож, по словам Кирьянова, найденный на месте преступления, красноречивее всего свидетельствовал именно в пользу этой версии. Ну, скажите, какой дурак будет оставлять в трупе орудие убийства?! Разумеется, этого не сделает ни нанятый убийца-профессионал, ни человек, хладнокровно осуществляющий заранее продуманный план убийства. Это может сделать человек, находящийся под кайфом, например, или просто псих, которому шлея под хвост попала. Схватил нож и пошел убивать.

Да, это было хуже всего. Но сидеть и переживать по этому поводу я не собиралась. Мне заказано расследование, и я должна действовать. Правда, теперь, учитывая новые данные, действия мне придется немного скорректировать. Нужно выделить из всех направлений – приоритетное.

И вопрос номер один – стоит ли мне заниматься отработкой статьи? Конечно, я очень хорошо помнила, что клиент, заказавший расследование, настаивал именно на этом направлении. Но теперь, с учетом новой информации, я уже сомневалась в его перспективности. Если бы желание клиента не довлело надо мной, я бы, скорее всего, занялась версией «приблудного наркомана».

С другой стороны, как профессионал, я привыкла выполнять свою работу тщательно и, не отработав статью, наверняка буду ощущать тот внутренний дискомфорт, который ощущаю всегда, когда чувствую, что работа сделана не до конца. Значит, статью нужно отрабатывать в любом случае. Даже если в результате окажется, что это ни к чему не приведет.

Я неспешно перемалывала в кофемолке кофейные зерна, как вдруг мне в голову пришла весьма интересная мысль. А почему, собственно, эта работа будет бесполезной? Ведь если верить тому же Кирьянову, свою эксклюзивную информацию Лана получала через чиновника, который косвенно мог оказаться замешанным в убийстве. И наверняка какие-то из историй, описанных в статье, тоже стали известны Лане через этого чиновника. А если так, то нет ничего невероятного в том, что, занимаясь отработкой статьи, я как раз и выйду на этого самого чиновника, причем, вполне возможно, быстрее, чем ребята Кирьянова, имея более надежные доказательства.

Мысль была недурна. Если причина убийства не в ревности или наркомании, а все-таки в статье, то… А ведь это неплохая зацепка. Здесь я смогу убить сразу двух зайцев. Во-первых, окончательно и бесповоротно определиться с тем, был ли кто-то из фигурантов статьи причастен к убийству (вопрос, на который, несмотря на весь сарказм Кири, все-таки необходимо ответить). Ну, и во-вторых, если по ходу дела окажется, что многоуважаемый господин… как там его?.. Базеев рассказал Лане о героях статьи, то я смогу и его слегка прощупать на причастность.

Ароматный кофе уже дошел до нужной кондиции, и, отхлебнув глоточек любимого напитка, я окончательно убедилась в том, что жизнь прекрасна. И с чего это я взяла, что мне придется выполнять ненужную работу? Наоборот, очень даже нужную. Кроме того, насколько мне было известно, ребята Кирьянова еще не разговаривали со Свиридовым и не имели в своем активе текста статьи. Так что с этой стороны у меня есть даже некоторые преимущества.

Преисполнившись оптимизма, я подумала, что раз уж я нашла целесообразным отработать случаи, приведенные в статье, то неплохо было бы дочитать ее до конца. А заодно и про-

смотреть архив Ланы, чтобы составить себе более полное представление о ее деятельности. Был уже довольно поздний вечер, но я решила, что загрузить в мозг информацию на сон грядущий будет самое то.

Включив компьютер, я открыла нужные файлы.

Как выяснилось, большинство статей Ланы действительно имели обличительный характер. Восклицательные знаки, иногда сами по себе, иногда в сочетании с вопросительными, так и мелькали в тексте. «Сколько же мы будем это терпеть?! Сколько же мы можем на это смотреть?!» – вот ключевые вопросы, которые звучали почти в каждой статье.

Однако, несмотря на бьющее через край возмущение, у меня лично сложилось впечатление, что печатные выступления Ланы – это что-то из серии «собака лает, караван идет». Хотя в некоторых статьях действительно приводились конкретные факты, и вполне возможно, что факты эти соответствовали действительности, но сам способ представления этих фактов был таков, что сложно было отнестись к ним серьезно. Слишком много эмоций.

С другой стороны, если основная задача Ланы заключалась в том, чтобы проводить интересы Базеева, то, возможно, именно это и было нужно. Припугнуть, заставить понервничать, но не доводить дело до крайностей. Иногда и само по себе упоминание факта может вызвать раздражение, независимо от того, как о нем говорится. И если задача Ланы была именно в том, чтобы вызвать раздражение определенных лиц, то нет никакого сомнения, – эту задачу она выполняла.

А если сам герой статьи, который подвергался укусам Осы, не был в курсе того, кто за этим стоит, то все свое раздражение он, разумеется, направлял именно на Лану. И с течением времени это раздражение, разумеется, накапливалось.

Не знаю, может быть, отвергая так категорически версию о мотиве, связанном с профессиональной деятельностью, Киря был не так уж и прав.

Просмотр архивов еще раз убедил меня в том, что отработать последнюю статью Ланы необходимо, и, сделав небольшой перекур, я принялась внимательно изучать ее.

Кроме уже известного мне примера, иллюстрирующего такой грех, как чревоугодие, в статье говорилось о некоем высокопоставленном лице, которое, обладая взрывным характером и тяжелым нравом, могло просто так, ни с того ни с сего, поломать человеку жизнь. Приводился также случай, когда сыночек этого лица пожаловался папке на то, что ему чем-то не угодил официант какого-то кафе, и теперь этот официант заслан туда, куда Макар телят не гонял. А на самом-то деле официант просто выполнил требование сыночка.

Говорилось в статье и о другом лице, тоже высокопоставленном. Человек этот хоть и имел чины и регалии и, кажется, мог бы быть довольным судьбой, но, будучи по натуре завистливым, все косил глазом на своих товарищей, желая за их счет продвинуться дальше по карьерной лестнице.

Упоминалось в статье и об алчности. В частности, об алчности одного адвоката, который, польстившись на высокие гонорары, подстроил ложное обвинение невинного человека и по заказу некоего лица нашел лжесвидетелей, которые не моргнув глазом утверждали, что видели то-то и то-то, хотя на самом деле видеть ничего не могли. Таким образом, сам оставаясь в стороне, адвокат фактически решил исход судебного разбирательства в пользу человека, который заплатил ему деньги. Лана с большим возмущением высказывалась об этом адвокате, который должен был защищать подсудимого, а не подтасовывать факты против него. Адвокат нарушил закон. Что уж тут говорить о его нравственном облике. «Конечно, человек, нечистый на руку, – писала журналистка, – который, вполне возможно, не раз пользовался услугами лжесвидетелей, чтобы устроить поддельное оправдание на своих процессах, вполне мог воспользоваться теми же услугами, чтобы устроить ложное обвинение на процессе чужом. Когда во главу угла ставится сумма гонорара и не учитывается, за что именно этот гонорар уплачивается, все возможно».

Помимо персон мужеского пола фигурировали в статье и две дамы. Так сказать, дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях.

Об одной из них упоминалось в связи с таким грехом, как гордыня. Эта дама, будучи женой какого-то важного лица, людей, не облеченных высокими должностями, не считала даже и за людей. Поэтому, когда некое семейство явилось к ней просить за своего главу и единственного кормильца, дама даже не допустила их до своей персоны. А ведь они пришли именно к ней потому, что судьбу главы семейства мог очень легко решить муж этой горделивой дамы.

Вторая дама оказалась в очень похожей ситуации. К ней тоже пришли просить за кого-то, но на сей раз она могла помочь не потому, что была чьей-то женой, а потому, что была любовницей. В этом случае попытка просителей была более успешной, но вовсе не потому, что вторая дама прониклась состраданием к судьбе несчастного. Причина была в другом. Уже имея любовника и тем самым ввергнув себя в бездну такого греха, как прелюбодеяние, дама этим не ограничилась, а увидев, что один из просителей – весьма привлекательный, хотя и очень молодой еще человек, согласилась помочь при условии, что мальчик проведет с ней наедине часик-другой. То есть фактически упомянутая дама занималась растлением малолетних, и еще неизвестно, что сказал бы отец мальчика, если бы узнал, что получил помощь, оплаченную такой ценой.

Этот действительно возмутительный случай был последним. Статья заканчивалась предложением, которое совсем не выглядело как завершающее, и вообще, как бы обрывалась на полуслове. Я быстро нашла причину этого, сосчитав грехи. Их было только шесть.

Значит, о каком-то из грехов Лана написать не успела. Впрочем, ведь об этом и говорил мне Свиридов.

Так, чего же здесь не хватает… посмотрим… обжорство есть, адвокат и чиновник, то бишь, алчность и гнев есть, – это три. Еще один чиновник, он же завистник, – четыре; и две дамы, гордыня и прелюбодеяние, – пять и шесть. Итак, в статье не хватало праздности, она же лень.

Мне сразу вспомнились слова Свиридова о том, что убийцей мог оказаться тот, о ком Лана не успела написать. Что этот человек и решился на убийство только потому, чтобы не дать журналистке возможности о себе написать.

Но что это за грех такой – лень? Найдется ли в мире хоть один человек, которому хоть раз в жизни не хотелось немножко полениться? Если за это убивать, то нужно брать атомную бомбу да и уничтожить сразу весь род человеческий, не размениваясь по мелочам.

Да, оставшийся грех выглядел довольно невинно, и навряд ли подтвердится предположение о том, что Лану прикончил какой-нибудь закосневший в своей праздности лентяй, но все-таки интересно, почему она не написала именно об этом? Не успела? Не нашла подходящего примера?

Что ж, вполне возможно. Но не так-то просто будет найти случай, когда кто-то смог серьезно навредить человеку тем, что валялся на диване и плевал в потолок. Хотя, с другой стороны… Вот обжорство, например, тоже, казалось бы, качество, безобидное для окружающих, а поди ж ты… кого-то там чуть в тюрьму не посадили. То есть, кажется, именно посадили.

Вспомнив про тюрьму, я отметила еще одну особенность статьи, которая привлекла мое внимание еще во время разговора со Свиридовым. Когда он рассказывал мне про чиновника и адвоката, я удивилась, что все потерпевшие от алчности, гнева и обжорства как по команде отправляются в тюрьму. Не лишаются наследства, не теряют здоровье, а именно садятся на скамью подсудимых.

Прочитав статью полностью, я поняла, что это странное однообразие развязок всех происшествий еще больше бросается в глаза. Только один человек, пострадавший из-за зависти, лишился работы, судьба же всех остальных, как по сценарию, заканчивалась в исправитель-

ных учреждениях и даже к дамам, повинным в гордыне и прелюбодеянии, приходили просить именно за заключенных.

Это обстоятельство показалось мне весьма подозрительным, и над ним не мешало подумать, но думать я уже была не в состоянии. Глаза слипались, голова клонилась на стол, и тело просило покоя. Посмотрев на часы, я обнаружила, что уже второй час ночи. Да, пожалуй, в мозг загружено уже достаточно информации и пора отправляться спать. Думать буду завтра, на свежую голову.

Глава 3

На следующее утро я проснулась довольно рано, и хотя чувствовала себя вполне отдохнувшей, никаких мыслей по поводу прочитанной вчера статьи в голову мне не пришло. Не знаю, может быть, загружая информацию, я немного перестаралась и подсознание просто не успело еще ее обработать.

Приняв бодрящий душ, выпив чашечку кофе и закурив сигарету, я почувствовала себя на сто процентов готовой к труду и обороне. Я была готова даже ехать в морг осматривать изуродованный труп, что мне, собственно, и предстояло сделать.

Подъехав к зданию морга, я прошла прямо к заведующему и, объяснив ему, кто я такая и зачем сюда явилась, поинтересовалась, смогу ли я осмотреть труп.

– Да, мне звонили по поводу вас, – медленно проговорил заведующий, низенький человечек с огромной головой и очень крупными чертами лица. – Но, вы знаете… тело… там множественные ножевые ранения, и выглядит все это… весьма и весьма.

– Я в курсе, – бодрым голосом ответила я.

Бросив на меня быстрый взгляд, в котором очень ясно читалось: «Видали мы таких, валерьянки на вас не напасешься», – заведующий так же медленно сказал:

– Что ж, идемте.

Миновав коридоры и повороты, мы прибыли к месту назначения, и по указанию заведующего из холодильника был извлечен нужный труп.

– Ну вот – можете осматривать, – сказал заведующий и удалился, снова бросив многозначительный взгляд на одного из своих сотрудников.

Я расценила эту стрельбу глазами как немую просьбу в случае чего подать мне валерьянки. И что греха таить, когда я взглянула на тело, мне действительно чуть было не стало плохо.

Имея некоторую информацию об убийстве, я заранее готовила себя к тому, что мне предстояло увидеть, но действительность превзошла все ожидания. Все тело журналистки представляло собой сплошное кровавое месиво.

Множественные ножевые ранения? Что ж, можно и так сказать. Но истерзанная плоть… Создавалось впечатление, что какой-то хищный зверь рвал и кромсал Лану своими клыками.

«Сколько же раз нужно было ударить, чтобы человек превратился… вот в это, – с ужасом думала я. – Нет, нормальный человек не мог этого сделать, это совершенно очевидно».

Убийца явно находился в состоянии аффекта. Но нужно было осмотреть все детально.

Очень скоро выяснилось, что никаких особенно красноречивых деталей на трупе нет. Ни рваных ушей от торопливо снятых сережек, ни кожи убийцы под ногтями жертвы.

И тут у меня возникло сразу два очень интересных вопроса. Во-первых, по поводу сережек. Сосредоточившись на высокопоставленных чиновниках и их смертных грехах, я както совсем упустила из виду самую простую версию. А именно – ограбление. Поздний вечер, темный переулок… почему бы и нет? Шел мимо какой-нибудь шалопай, увидел одинокую девушку. Да и решил…

Но, взглянув еще раз на «множественные ножевые ранения», я сочла такое предположение не очень правдоподобным. Если бы Лану хотел просто ограбить какой-нибудь прохожий, ну не стал бы он так ожесточенно тыкать в нее ножом.

Второй вопрос касался возможности сопротивления. Действительно, сопротивлялась ли Лана? Было ли у нее время для этого? Я еще раз очень внимательно осмотрела кожу под ногтями. Нет, никаких частиц постороннего кожного покрова или характерного вещества бурого цвета, которое остается под ногтями жертвы, если ей удается во время драки поцарапать своего убийцу.

В общем-то, руки Ланы нельзя было назвать чистыми. Но они были не в грязи, их словно присыпало пылью, как если бы человек какое-то время лежал на земле…

Итак, сопротивления не было? Я еще раз осмотрела участки тела, где кожа не была повреждена. Никаких синяков, никаких царапин, ничего такого, что свидетельствовало бы о силовом контакте. Что ж, по-видимому, хоть в этом несчастной девочке повезло, и первый же удар оказался смертельным.

Тут я вспомнила еще одну вещь. Мне было известно, что людей психически неуравновешенных иногда провоцирует на зверскую реакцию именно легкость победы. Если в переулке Лана встретила именно такого человека, то вполне возможно, что после нанесения первого удара он потерял над собой контроль. Как говорится, блеяние козы вызывает рычание льва. Увидев, что жертва не может оказывать сопротивление, убийца с еще большей яростью накинулся на Лану.

Я еще раз взглянула на изуродованное тело. Да, человека, находящегося в вертикальном положении, так отделать было бы сложно. А вот если тело лежало на земле, наоборот, – очень удобно. Знай себе замахивайся и бей, куда попадешь. Даже и прицеливаться особенно не нужно.

Я посмотрела на лицо Ланы. Догадка, которую я сделала еще в квартире Свиридова, оказалась верной, – девушка не была красавицей. В то же время черты ее лица нельзя было назвать и уродливыми. Но вот что меня заинтересовало: посмертная маска не показывала ни отвращения, ни ужаса. Скорее в чертах запечатлелось некое удивление. И это еще раз доказывало, что смерть наступила сразу и нападение было для Ланы неожиданным.

Что ж, пожалуй, осмотр трупа можно на этом закончить. Нового я узнала не так уж много, но зато получила лишнее подтверждение некоторых предположений, сделанных ранее. Например, того, что убийца Ланы, кто бы он ни был, наркоман ли или просто псих, – несомненно, человек с проблемами.

Почему он оставил нож в теле? Забыл себя? Ну, допустим… Если предположить, что убийца человек психически неуравновешенный, тогда почему он захватил нож с собой? Просто так? Нет, у психов и наркоманов совсем другие проблемы, и помыслы их направлены совсем в другую плоскость.

То, что убийца оказался на месте преступления, имея при себе орудие убийства, вряд ли было простой случайностью. Скорее это указывало на умысел…

Ну и дело! Тут тебе и умысел, и неконтролируемые действия. Что хочешь, то и думай. И главное, и в том и в другом случае основное доказательство – нож. Сначала – нож, взятый с собой, и, очевидно, взятый с какой-то целью, а не просто так; потом – нож, легкомысленно забытый в трупе, что фактически делает цель достигнутой только наполовину, потому что нож – это весьма и весьма серьезная улика.

Да, что-то тут не вязалось. Но что именно, пока было неясно.

* * *

Я покинула здание морга и поехала на улицу Некрасова. Нужно было осмотреть место преступления.

Добравшись до улицы Некрасова, я припарковала машину и отправилась искать подворотню, в которой убили Лану. Ориентиром мне должен был служить табачный ларек.

Ларек я обнаружила довольно быстро, а напротив него как раз и располагался вход в подворотню. Едва лишь я вошла в нее, я сразу заметила темно-бурое пятно, которое было не чем иным, как засохшей лужей крови.

Кровь была лишь в одном месте, значит, девушка не пыталась ни убежать, ни уползти от преследователя. Без сомнения, ее сначала убили, потом уже начали терзать труп.

– …Ну че, нету?

– Да нету тут ни хрена!

– А ты глаза-то разуй! Смотри глазами-то! А то скажешь ему: «Нету», а менты потом найдут, – узнаешь тогда. Он тебя самого тогда… Будет тебе потом «нету».

Продвинувшись еще немного в глубь подворотни, я успела заметить нескольких подозрительного вида подростков и услышать часть их диалога, но едва высунула голову из-за угла, чтобы повнимательнее рассмотреть внутренний двор и его обитателей, как тотчас же получила оглушающий удар по затылку и потеряла сознание.

К сожалению, перед тем как вырубиться, я не успела посмотреть на часы, поэтому не могла сказать, сколько времени находилась в отключке. Но когда я очнулась, в подворотне никого не было. И по всей видимости, не было с того самого момента, как оттуда убежали подростки.

«Что ж, расследование началось неплохо», – с иронией думала я, ощупывая затылок и осматриваясь кругом. Я проверила одежду и ощупала карманы. Все цело, из вещей тоже ничего не пропало. Значит, ограбить меня не хотели.

Тогда что? Им просто нужно было меня вырубить?

Я осмотрелась вокруг. Рядом лежала довольно тяжелая палка. Видимо, ею меня и ударили. У меня сразу возникла мысль об отпечатках.

Конечно, дерево – не лучший материал для считывания отпечатков, к тому же эту палку, наверное, держал не один человек, но надежду внушало то, что поверхность палки была более-менее гладкой. «Отдам в лабораторию, может, что-нибудь и обнаружат», – подумала я и попыталась подняться с места.

Встать мне, слава богу, удалось. Голова немного кружилась, но в целом чувствовала я себя удовлетворительно.

Кто ж меня ударил? И почему? Кому я помешала? Мальчишки, что переговаривались во дворе? Вряд ли бы они решились напасть на взрослую женщину. А если не мальчишки, тогда кто? Преступник? Но если предположить, что убийцей был какой-то невменяемый тип, вряд ли он явится на место преступления. Да и человек здравомыслящий не придет туда, где он убил человека. Может, меня сюда заманили? Может, кто-то знал, что именно сегодня именно в это время я появлюсь в этой подворотне?

Да нет. Скорее всего я помешала мальчишкам.

Тогда возникает второй вопрос. Что они здесь искали? Что-то, что имеет отношение к недавнему преступлению?

Разумеется, они искали какую-то улику, которая могла вывести на убийцу. Но какую? Что именно это могло быть?

Обличающий предмет мог оказаться чем угодно. Зажигалкой, выпавшей из кармана, нательным крестиком или каким-нибудь кольцом, которое слетело с пальца… да это могло быть что угодно. К тому же, если, пока я была без сознания, подростки нашли, что искали, то у меня практически нет шансов узнать, что же представлял собой этот таинственный предмет.

Несмотря на малые шансы, я все-таки внимательно обследовала подворотню, заглянув в каждый уголок. В любой ситуации частный детектив Татьяна Иванова прежде всего оставалась профессионалом. Даже получив по затылку.

Но, к сожалению, я ничего не нашла. Оставаться здесь дальше не было никакого смысла, и я направилась к машине. Спрашивается, зачем приезжала? Чтобы получить по голове? Это я еще легко отделалась, а вдруг бы меня ограбили или вообще увезли бы в неизвестном направлении.

Осторожно сев в машину, я завела двигатель и очень аккуратно, придерживаясь всех правил и не превышая скорости, поехала домой. Кажется, в последний раз я так аккуратно вела машину, когда сдавала на права.

По пути я заехала в лабораторию и сдала на экспертизу злополучную палку.

* * *

Оказавшись дома, я первым делом подкрепилась чашечкой крепкого кофе с шоколадом. Сладкое полезно для мозга.

Откинувшись на спинку кресла, я закурила сигарету и принялась думать.

Первым делом меня, конечно же, занимало сегодняшнее происшествие. Подростки, орудовавшие в подворотне, наверняка не были причастны к самому убийству. Скорее всего, их просто послали найти какую-то вещь. И послал, очевидно, убийца.

Но человек, который может заставить других делать то, что ему нужно, человек, отдающий указания, – не может быть невменяемым психом. Люди, не умеющие контролировать себя, как правило, не могут быть лидерами, не могут отдавать указания другим.

Тогда кто так изуродовал тело несчастной Ланы? Человек хладнокровный. Просто живодер? Это как же нужно было ненавидеть бедную журналистку, чтобы так надругаться над ее телом. Кто же был ее врагом? Просматривая архив Ланы, я не заметила в нем ничего из ряда вон выходящего. Но ведь иногда бывает так, что факт, который одним людям кажется незначительным пустяком, других ранит до глубины души.

Размышления пока приводили только к одному: личность убийцы на сегодняшний день – это неразрешимая загадка. А ведь именно четкое представление о личности убийцы могло помочь раскрыть дело, в котором мотивы множатся как тараканы. Каков убийца, таков и мотив. Но именно характеристики убийцы и не были пока для меня ясны.

«Что же искали пацаны?» – в сотый раз задавала я себе вопрос.

И тут я снова подумала о ноже. Киря сказал, что информация о найденном ноже держится в строжайшем секрете. Значит, преступникам неизвестно, что нож в руках милиции. И значит, убийца мог подумать, что обронил его где-то на месте преступления. И послать своих шестерок на поиски.

Тогда почему он ждал целые сутки? Ведь я оказалась в подворотне только через день после убийства. И подростки оказались там в это же время. Почему не раньше? Боялись натолкнуться на милицию? Но ведь нож – это такая улика, из-за которой еще можно рискнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.